

Ф. Н. Глинка

Карелия, или заточение
Марфы Иоанновны Романовой

Описательное стихотворение

Глинка Ф. Н. Сочинения

Сост., послесл. и коммент. В. И. Карпеца. – М.: "Советская Россия", 1986.

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое описательное стихотворение основано на событии историческом, засвидетельствованном преданием и грамотами царя Михаила Федоровича. Содержание рассказа весьма просто. Знаменитая затворница в Выгозерском стане обращает на себя внимание окрестных поселян. Один из них проникает в ее уединение. Добрый крестьянин, стараясь рассеять тоску одиночества заключенной, предлагает ввести к ней для собеседования монаха. Вводит. Повествование есть лучшее занятие в уединении, и монах (или отшельник) повествует. Его жизнь, его характер в его повествовании. Между тем крестьянин Никанор отправляется на Русь с тайным посланием. Монах является в другой раз, доканчивает рассказ свой, заключает оный какую-то духовной аллегорией и опять удаляется, уже надолго. Тут в тереме (в храме заключения Марфы) появляется новое лицо – Маша, дочь Никанора. Она также, частью думая развеселить уединенную, а более из желания поговорить о своем крае, пересказывает, так сказать, всю мифологию Карелии. Монах является в третий раз, и уже не таковым, как был! Теперь из речей и поступков его видно, что он проходил то состояние души, в котором борение внутреннего со внешним, или, как говорят, ветхого с новым, означает яркими чертами. В его понятии протекшее, настоящее и будущее как будто слились в какое-то одно неопределенное время. В речах его, несвязных, отрывистых, виден, кажется, лиризм: иначе и быть не может, ибо вдохновение его (следствие развития Духовной жизни, со всеми ее принадлежностями) непритворное. Кроме дикой пустыни, самое размышление о тогдашнем настоящем могло привести нашего монаха в некоторую тоскливую тревогу за человечество. Раскрывая "Историю" Карамзина (в XI части) под годами от 1601 до 1605, мы встречаем (на стр. 108, 112, 114, 119 и 120) резкие черты в мрачной картине того времени. На сей раз выпишем только рассказанное на 108 и 112 страницах: "И в самых диких ордах (прибавляет летописец) не бывает столь великого зла: господа не смели глядеть на рабов своих, ни ближние искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не изменять скромности" (стр. 108). "Свидетельствуюсь истиной и Богом, – пишет один из них, – что я собственными глазами видел в Москве людей, которые, лежа на улицах, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвых находили во рту сено", – и проч.

В такое время и при некоторой внутренней распри, доказывающей двойственность человека, толвуозерский монах, особенно после случившегося с ним в пустыне, может быть, и мог говорить так, как он говорит в нашем повествовании при своем появлении в третий раз.

После этого третьего и последнего появления монах уходит опять в свои леса. Мы уже не услышим о нем более! Спустя три дня и Никанор возвращается из дальнего пути. Привезенный ответ решает судьбу матери Михаила, и заточение кончится. Сим оканчивается повествование.

Если небольшое число стихов, помещенных в прологе для изображения безлюдия и пустынности Карелии (страны, и поныне погруженной в лесах, идущих к Белому морю), успевают, так сказать, навеять некоторую унылость на душу читателя, то это будет близким подобием того ощущения, которое внушают, думаю, всякому сии малолюдные стороны при первом на них воззрении. Наконец, при прочтении всего стихотворения может возникнуть вопрос: отчего так мало действует, особенно мало разговаривает, сама Марфа Иоанновна. Я размышлял о сем и нахожу, что по важности ее сана ей нельзя было дать разговора о предметах неважных; о важном же, собственно до нее касающемся, ей говорить было не с кем. Подле нее не было своего человека, которому бы она могла раскрыть душу, поверить тайны сердца. Никанору делала поручения; монаха слушала она как человека любопытного; молодой карелке позволяла